

Отношения поколений: представления современного ребенка младшего школьного возраста

Ж.М. Глозман

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7736-0819>, e-mail: glozman@mail.ru

В.А. Наумова

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга
(ФГБОУ ВО «КамГУ имени В. Беринга»), г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-1048>, e-mail: naumovavalentina2011@mail.ru

Работа направлена на изучение актуального отношения к стареющему человеку у поколения «цифрового детства» в сопоставлении с ожиданиями представителей поколения позднего возраста. Мы предположили, что, на фоне современных трансформаций межпоколенных традиций, можно ожидать признания потомками сохранения эталона поведения предков. Обследованы 284 жителей г. Петропавловск-Камчатский: 40 респондентов от 57 до 80 лет и 122 детско-родительских диад (дети от 8,2 до 9,6 лет, родители — от 27 до 61 года). На первом этапе у родителей с помощью авторской анкеты были получены данные, позволяющие представить их мнение о реальном состоянии взаимоотношений детей с прауродителями и важности (не)участия бабушек/дедушек в воспитании внуков. На втором этапе анализ интервью в фокус-группах школьников и геронтологической выборке конкретизировал отношения к человеку позднего возраста и позволил независимым экспертам выделить релевантные категории (на основе контент-анализа). На третьем этапе исследовались варианты отражения(не)согласия старшего поколения с детскими суждениями. Результаты оценивались по шкале Лайкерта. Показано, что, несмотря на значимый выбор детского отношения как нейтрально-снисходительного сострадания, в диапазоне согласия ожидаемого отношения представлены детские варианты преемственности сохранения опыта обязательного и ценного поведения прауродителей. Полученные данные акцентируют проблему признания уникальности опыта каждой поколенной группы как источника солидарности поколений и основы культурной адаптации к возрасту.

Ключевые слова: младшие школьники, цифровое детство, поколение позднего возраста, категории «жалеть» и «понимать—уважать», эталон поведения предков.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке НИОКТРП КамГУ имени В. Беринга в рамках научного проекта АААА—А19—119072290002—9.

Благодарности. Авторы выражают благодарность сотрудникам «Центра развития личности и психолого-педагогической помощи населению» за сотрудничество и создание благоприятных условий для эксперимента.

Для цитаты: Глозман Ж.М., Наумова В.А. Отношения поколений: представления современного ребенка младшего школьного возраста // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 1. С. 90–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180109>

Generations Attitudes from the Point of View of a Modern Primary School Age Child

Zhanna M. Glozman

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7736-0819>, e-mail: glozman@mail.ru

Valentina A. Naumova

Kamchatka State University named after V. Bering, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-1048>, e-mail: naumovavalentina2011@mail.ru

The work is aimed at studying the current attitude towards the ageing person by the generation of “digital childhood” in comparison with the expectations of representatives of the late-age generation. We assumed that, against the background of modern transformations of intergenerational traditions, we can expect descendants to recognize the preservation of the standard of ancestral behavior. 284 residents of Petropavlovsk-Kamchatsky were surveyed: 40 respondents from 57 to 80 years old and 122 child-parent dyads (children from 8,2 to 9.6 years old, parents from 27 to 61 years old). At the first stage, data were obtained from parents using the author's questionnaire allowing them to present their opinion about the real state of the relationship between children and their grandparents and the importance of (non-)participation of grandparents in the upbringing of their grandchildren. At the second stage, the analysis of the interviews in the focus groups of schoolchildren and a gerontological sample concretized attitudes towards a person of senior age and allowed independent experts to identify relevant categories (based on content analysis). At the third stage, options for reflecting the (non-)consent of the older generation with children's judgments were investigated. The results were evaluated on the Likert scale. It is shown that, despite the significant choice of children's attitude as condescending compassion, in the range of consent of the expected attitude, children's variants of continuity of preserving the experience of obligatory and valuable behavior of the grandparents are presented. The data obtained emphasize the problem of recognizing the uniqueness of the experience of each generational group as a source of generational solidarity and the basis of cultural adaptation to age.

Keywords: younger schoolchildren, digital childhood, the late-age generation, to “regret” and “understand-respect”, the standard of ancestral behavior.

Funding. The research was carried out with the financial support of research projects by Kamchatka State University for the project number AAAA–A19–119072290002–9.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the staff of the «Center for Personal Development and Psychological and Pedagogical Assistance to the Population» for their cooperation and creation of favorable conditions for the study.

For citation: Glozman Zh.M., Naumova V.A. Generations Attitudes from the Point of View of a Modern Primary School Age Child. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 1, pp. 90–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180109> (In Russ.).

Почитание родителей и старших — есть основа человеколюбия.
Конфуций

Берегитесь детей! Когда-нибудь они овладеют миром!
Э. Брильянт

Введение

Особенности отношений предков и потомков были и остаются одними из актуальных исследовательских проблем психологической науки. Известно, что человеческое общество существует и развивается благодаря взаимодействию поколений. Можно с уверенностью сказать, что человеческая цивилизация сохранилась во многом благодаря возможности передачи новым поколениям опыта, накопленного предшествующими поколениями, тем самым одновременно обеспечивая реализацию возможностей и традиций социальной общности. Континуум данного конструкта востребован, как в процессе функционирования повседневно-бытовых потребностей, так и в реконструкции накопленного опыта предыдущего поколения, для опоры и наращивания нового пласта способов взаимосвязи подрастающих потомков. В разные эпохи характер

отношений предков и потомков определялся спецификой развития общества.

Сегодня мир стремительно меняется, репрезентируя жизнь современников в условиях сильно ускоряющегося темпа и радикальных социоэкономических и культурных трансформаций общества (глобализация, цифровая информатизация и т. д.).

Настоящая реальность также демонстрирует качественные изменения в демографической структуре: увеличение продолжительности жизни; изменение границ и соотношений возрастных групп; появление новых возрастных этапов — «цифрового детства», вхождения во взрослость; увеличение этапа продуктивной профессиональной деятельности, а также появление периода продуктивной постпрофессиональной жизни [1; 21; 23]. По демографическим данным, для сегодняшней России характерно наличие трех и совсем не редкость четырех поколений (дети — родители — прапородители — прапрапородители). Мы со-

лидарны с мнением исследователей о том, что современные межпоколенные отношения — это широкий пласт взаимодействий, обусловленных особенностями поколенческой идентичности (представлениями, ценностями, направленностью и т. д.) [22].

Это особенно актуально в ситуации, когда «человечеству приходится форсировано адаптироваться к новому миру, который на наших глазах превращается из вертикального в горизонтальный», где ослабевает нормативная модель четкого противопоставления «цифрового детства как особого исторического типа детства» [18, с. 71–72] и взрослости как эталона, «образа потребного его будущего» [15, с. 5]. Кроме того, важно отметить, что сегодня информационно-компьютерные технологии способны выполнять функцию агента социализации ребенка, что, по сути, представляет серьезную конкуренцию институтам социализации [17; 18; 19].

Приходится констатировать факт того, что взрослый перестает быть уникальным носителем культуры, снижается интенсивность общения ребенка со взрослыми и с другими детьми, эффективность традиционных практик воспитания и обучения становится неоднозначной.

В наши дни также произошло принципиально новое «открытие» геронтогенеза — переход видения старости как времени зависимости и угасания к концепции активного старения, что, несомненно, является значительной культурной переменой [3]. В литературных источниках все чаще можно фиксировать варианты представления проблемы старения в концепции «успешной старости» и «парадокса» современной старости: с увеличением возраста субъективное благополучие может быть сохранено и/или даже улучшено [12; 37; 38; 39].

Необходимо также отметить важность осознания обществом того, что старший возраст персонифицирован, интеллектуален, но ограничен во времени; данная объективность, в свою очередь, способствует обоснованию и принятию альтернативной позиции для духовного развития стареющего человека.

Однако нельзя не отметить, что на фоне триумфа активно-продуктивной старости, несомненно принимающей во внимание особую природу долгой жизни, сохраняет высокую актуальность и проблема влияния негативно-ригидных стереотипов старости, запускающих, с одной стороны, формирование деструктивных, зависимо-пассивных поведенческих конструктов самого стареющего человека, а с другой — модели дискриминационного пренебрежения по отношению к старшему поколению со стороны более молодого [7; 10; 35]. Представленные реалии существенно снижают ценностную основу межпоколенных отношений и способствуют увеличению дистанции между поколенческими когортами.

В то же время ряд исследований представлений подрастающего поколения о стареющем человеке свидетельствуют, что образы старения и старости, закладывающие основы собственных способов старения и вероятного своего отношения к старшему поколению, исходно основаны на раннем личном опыте

взаимодействия с прародителями [21; 30; 40]. Стереотипы о процессе старения и, в частности, о пожилых людях усваиваются на протяжении всей жизни двумя фундаментальными способами: сверху вниз (от общества к отдельным людям) и с течением времени (от детства до старости) [34]. По мере того как люди стареют, стереотипы, усвоенные в детстве и взрослой жизни, имеют тенденцию в конечном итоге превращаться в «самостереотипы», что часто приводит к негативным последствиям для пожилых людей [33].

Мы поддерживаем мнение некоторых исследователей о том, что межпоколенное взаимодействие играет важную роль в обеспечении психологического благополучия, как пожилых людей, так и подрастающего поколения [24].

Итак, из представленного краткого обзора очевидна важность и необходимость исследований особенности отношений прародителей и потомков в условиях современной реальности.

Данный факт дает основание сформулировать **цели исследования:**

— проанализировать потенциальный опыт (не) возможного взаимодействия школьников с родственниками старшего поколения;

— изучить, с одной стороны, актуальное отношение детей младшего школьного возраста к стареющему человеку и, с другой стороны, — ожидаемое старшим поколением отношение детей к ним.

Опираясь на описанные подходы, мы **предположили**, что, несмотря на трансформацию традиционных форм межпоколенного взаимодействия и стремительные современные изменения социокультурного контекста жизнедеятельности разных поколений, можно ожидать сохранения эталона совладающего поведения предков, который оценивается потомками как наиболее ценный и обязательный опыт.

Организация и методики исследования

Общую выборку исследования составили 284 респондента: 122 пары «ребенок—родитель» и 40 участников в возрастном диапазоне от 57 до 80 лет.

Детскую выборку представляли 122 младших школьника в возрасте от 8,2 до 9,6 лет (52,5% девочек и 47,5% мальчиков).

В родительскую группу (84,4% матерей и 15,6% отцов) входили респонденты от 27 до 61 года (42,6% — 27–35 лет; 53,4% — 36–61 лет). Высшее образование имели 52,5% респондентов, среднее специальное образование — 25,5%, среднее — 31,9%. О полной семье информировали 77,9% родителей.

От родителей для каждого несовершеннолетнего респондента было получено письменное согласие на его добровольное участие в исследовании. Все обследованные школьники не имели серьезных заболеваний, трудностей в социализации и проблем в когнитивном развитии.

Выборку старших испытуемых составили постоянные участники геронтологической арт-группы в возрасте от 57 до 80 лет: 47,5% — 57–65 лет; 45,0% —

66–75 лет; 7,5% – 76–80 лет. Из них 70,0% – женщины и 30,0% – мужчины; 25,0% состояли в браке, 12,5% – разведенные, 62,5% – вдовы и вдовцы. Высшее образование имели 22,5% респондентов, среднее и среднее специальное образование – 77,5%. Не работали 47,5%. Проживали вместе с детьми и/или внуками и осуществляли большую часть функций по уходу за детьми 17,5%; отдельно проживали, но общались и оказывали ситуативную помощь 57,5%; проживали отдельно, общение и помощь в воспитании наследников крайне ограниченные – 25,0%.

С взрослыми участниками также было подписано этическое соглашение, позволяющее предоставлять результаты исследования профессиональному сообществу.

Исследование осуществлялось в несколько этапов.

Первый этап проводился в рамках подготовки к «Международному дню пожилого человека», нами были использованы следующие методы:

– анкетирование родителей. Анкета включала как стандартные вопросы о социально-демографических характеристиках участвующего родителя и всех прародителей, представляющих семью школьника, так и ряд вопросов, уточняющих степень использования родителями поддержки от прародителей по уходу/воспитанию своих внуков; информацию о возможности (не)общения ребенка со своими бабушками и дедушками, а также вопросы, направленные на сбор данных мнения родителей о важности (не)участия старшего поколения в воспитании потомков. Предполагалось, что анкетные данные представят сведения о потенциальном опыте (не)возможного взаимодействия участвующих в исследовании школьников с родственниками старшего поколения.

– интервью в фокус-группах по 10–12 участников детской и геронтологической выборки. Сбор данных у учащихся проводился в общеобразовательных школах города Петропавловск-Камчатского, а в когорте пожилых участников – на экспериментальной площадке «Центра развития личности и психолого-педагогической помощи населению» КамГУ имени Витуса Беринга.

В роли модераторов выступили студенты выпускных курсов психолого-педагогического факультета КамГУ (n=26, от 21 до 24 лет). Интервьюируемым задавались вопросы: «Как, по вашему мнению, важно/необходимо/следует/принято относиться к пожилому и старому человеку?». Предлагалось перечислить возможные варианты. В последующей групповой дискуссии обсуждались ответы на уточняющие вопросы (например: «Почему вы так считаете?», «Как вы можете объяснить/описать озвученное отношение?»).

Исследовательской целью *второго этапа* являлось проведение независимыми экспертами анализа ответов, полученных в фокус-группах. Обработка данных реализовывалась с помощью конвенционального контент-анализа (обобщение ответов, выделение количественных категорий и составление релевантного перечня «отношения к стареющему человеку») [15]. Кодирование категорий осуществлялось авторами совместно с экспертами в ходе групповой дискуссии.

Роль экспертов выполняли студенты заочного отделения психолого-педагогического факультета

КамГУ имени В. Беринга, получающие второе высшее образование (n = 25, от 18 до 47 лет).

На *третьем этапе* респондентам старшего поколения (n=26, от 65 до 72 лет) было предложено выразить свое согласие (несогласие) с детскими суждениями о доминантных отношениях к стареющему человеку. Ответы предлагалось оценивать по шкале Лайкерта в диапазоне от –3 до +3, где 3 балла – полностью согласен, 2 – скорее согласен, 1 – частично согласен, 0 – трудно сказать, согласен или не согласен, –1 – частично не согласен, –2 – скорее не согласен, –3 – совершенно не согласен. Суждения со средним баллом от –3 до –1 были оценены как отражающие несогласие; те, которые набрали от +1 до +3 – как согласие; оценка от < –0,99 до +0,99 отнесена к нейтральной позиции. Для каждого компонента подсчитывался средний балл.

Для статистического анализа данных применялся метод описательной статистики, критерий углового преобразования Фишера (ϕ) и критерий согласия Пирсона (χ^2).

Результаты исследования

Анализ социально-демографических характеристик испытуемых старшего поколения свидетельствует о том, что среди прародителей значимо преобладают бабушки (средний возраст 58 лет), имеющие высшее или специальное образование (табл. 1).

Обращает на себя внимание факт продолжающейся трудовой занятости большей части исследуемой когорты, имеющей статус пенсионера. Важно отметить, что жители Камчатского полуострова относятся к льготным категориям установления страхового пенсиония по возрасту: женщинам – в 51 год и 6 месяцев и соответственно мужчинам – по достижении возраста 56 лет и 6 месяцев [14]. В то же время анализ литературных источников фиксирует данные о том, что именно статус официального пенсионера зачастую выступает триггером «сближения» с внуками. Отдельные исследователи представляют данные о том, что именно у бабушек в возрасте до 65 лет сочетаются возникшая возможность и потребность взаимодействия с внуками до 10–12 лет, что, собственно, усиливает представленные выше размышления [4; 9]. На наш взгляд, в качестве объяснения обозначенных противоречий, или скорее тенденций к ним, можно представить аргументы о существующей потребности стареющего человека одновременно получать пенсионное пособие и заработанную плату и/или важности сохранения трудовой занятости для самостоятельного поддержания качества жизни, активности и автономии [2]. На настоящий момент довольно часто данная ситуация не является альтернативной.

Значимо большая часть родителей ($p \leq 0,05$) трудовую занятость старшего поколения, проживание прародителей в территориальной отдаленности, трудноступности и часто в условиях информационной изолированности обозначили как негативный регионально-специфический фактор ограничения общения с внуками (рис. 1).

Социально-демографические характеристики старшего поколения (N=395)

Характеристика	Представленность прародителей, %		Критерий Фишера Ф эмп. 5,51 p≤0,01
	Бабушки 64,3%	Дедушки 35,7%	
<i>Возрастной диапазон</i>			
46–55 лет	37,4	27,6	2,16 p≤0,05
56–75 лет	48,0	58,2	1,95 p≤0,05
76 и старше	14,6	14,2	0,13
<i>Уровень образования</i>			
Неполное среднее	1,6	2,1	0,26
Среднее общее	20,5	31,2	2,31 p≤0,01
Среднее специальное	35,8	32,6	0,65
Высшее	42,1	34,1	1,67 p≤0,05
<i>Семейное положение</i>			
Женат/замужем	30,3	39,7	2,35 p≤0,01
Разведена(ен)	46,7	47,5	0,15
Вдова(ец)	22,9	12,8	2,52 p≤0,01
<i>Социальный статус</i>			
Трудоустроен	64,5	54,6	1,91
Не работает	35,5	45,4	1,9

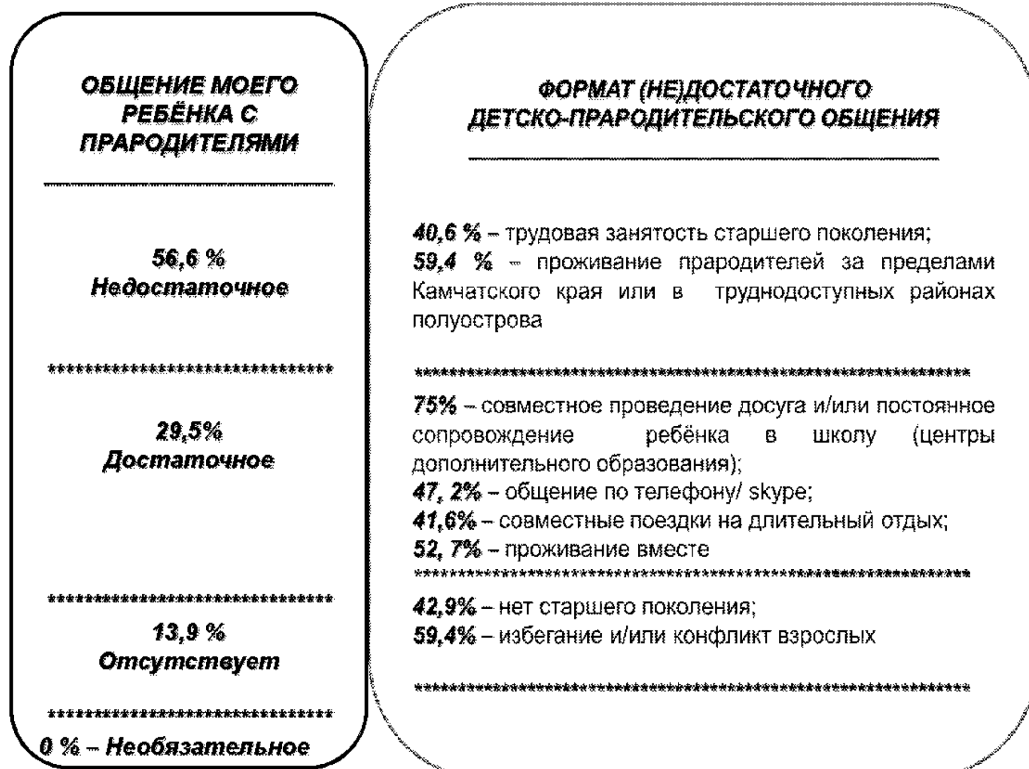

Рис. 1. Сопоставление частоты выборов и формат (не)общения детей с прародителями

Далее проанализируем другие данные анкетирования родителей. Мы использовали в анализе родительской анкеты объективные данные отдельных авторов, подтверждающие факт того, что особенности

взаимодействий «старших и молодых родителей» в вопросах поддержки и заботы о детях зависят от типа домохозяйства [26].

Наше исследование показало, что больший процент ($p \leq 0,01$) родительских выборов свидетельствует о тенденции к низкой степени прародительского участия в помощи и сопровождении периода детства своих потомков (рис. 2).

В то же время родители демонстрируют значимо частый выбор ($p \leq 0,05$) своих ответов, подтверждающих их убеждения в том, что лучше, когда бабушки и дедушки ограниченно участвуют и/или не участвуют в воспитании внуков.

Таким образом, полученные сведения из анкетных данных свидетельствуют скорее о дефиците потенциального опыта (не)возможного взаимодействия младших школьников с родственниками старшего поколения. К сожалению, наши результаты совпадают с российскими демографическими тенденциями последних лет, что дает основание размышлять об ослаблении взаимообмена межпоколенческими функциями [6].

Вероятно, данный факт может свидетельствовать о трансформации традиционных форм межпоколенного взаимодействия между старшими родителями и их детьми и соответственно внуками. В качестве подкрепляющей иллюстрации наших данных можно обратиться к современной публицистике, где все чаще обсуждаются факты нарастания демонстрации современными российскими прародителями в качестве «реалий со-

временной нормы» роли «визитного губернатора» и спорадической рекреационной активности, совмещенной с материальной поддержкой внуков [26, с. 44].

Проанализируем далее *результаты интервью в фокус-группах*¹ с детьми и пожилыми респондентами.

Экспертами на основе семантического сходства из общего количества ответов (162 младших школьников и 128 респондентов старшего поколения) были выделены категории «отношения к пожилому и старому человеку» (табл. 2).

Сравнительный анализ представленности категорий фиксирует групповую специфику: респонденты младшего школьного возраста значимо чаще ($p \leq 0,01$) озвучивали свое отношение к старшему поколению в последовательности «жалеть—уважать», а в старшей возрастной когорте — «понимать—уважать».

Кроме того, обнаруживается, что в детской выборке категории «понимать» и «почитать» не релевантные, и несколько учеников (их ответы отнесены в категорию «не знаю») вообще не смогли описать своего отношения к старикам. В качестве объяснения школьниками были предъявлены следующие аргументы: отсутствие личного опыта взаимодействия со стариками; непонимание (непринятие) разницы между стариками и «другими взрослыми»; непривлекательность, скука и малая значимость дискуссии.

Следующим шагом на основе уточняющих суждений был реализован качественный анализ доминантных категорий отношений: в группе младших школь-

Рис. 2. Сопоставление частоты выборов типов семей по степени использования поддержки прародителей по воспитанию детей и уходу за ними

¹ Авторы выражают благодарность студентам психолого-педагогического факультета КамГУ имени В. Беринга за помощь в записи стенограмм.

Сопоставление частоты выбора категорий «отношения» в группе младших школьников и респондентов старшего возраста

Категории	Частота выбора (количество ответов, %)				Критерий Фишера, φ
	Младшие школьники (n=122)		Старшее поколение (n=40)		
	Количество	%	Количество	%	
Жалеть	115	70,9	14	10,9	10,8 p≤0,01
Уважать	17	10,5	35	27,3	3,1 p≤0,01
Любить	13	8,1	9	7,0	0,24
Понимать	0	0	37	28,9	9,6 p≤0,01
Почитать	0	0	18	14,1	6,5 p≤0,01
Помогать	8	4,9	10	7,8	1,1
Терпеть	4	2,5	5	3,9	0,7
Не знаю	5	3,1	0	0	2,9

ников — категории «жалеть» (d.f.= 150; p≤0,01), а в выборке старшего поколения — категорий «понимать» (d.f.=25; p≤0,01) и «уважать» (d.f.=20; p≤0,01).

Обратимся к конкретным примерам ответов и результату их анализа в группе младших школьников. На 115 выборов «жалеть» школьниками были представлены 244 объясняющих суждения: из них по

одному примеру привели 19,3% участников, по два ответа — 12,7%, по три варианта зарегистрировано у 10,7% школьников, по четыре примера — у 3,3% и у 2,0% респондентов было пять ответов.

Эксперты все ответы структурировали по компонентам и определили уровень их выраженности (табл. 3.)

Частотное распределение в группе младших школьников компонентов категории отношения «жалеть»

Частота выбора, %	Компоненты	Примеры детских ответов ²
1	2	3
38,8	«Физиологические утраты» — отражает описательную картину внешних проявлений низкой физической (телесной) компетентности и деструкции, а также незащищенности и неприспособленности к жизни в старости	«Выпадают зубы, и они плохо жуют, мало едят и перестают расти»; «У некоторых амнезия, я не знаю, что это, но мама так часто говорит», «они медленные, все забывают и даже могут быть немymi»; «Спят плохо ночью, а днем клюют носом, поэтому мама ругает нас, если мы шумим и мешаем старой бабушке, ой вообще-то прабабушке»; «У них слабое здоровье и поэтому они не могут сами сделать некоторые вещи, тогда они становятся злыми и могут тебя обозвать или даже наказать. Вот я видел, как у моего друга его баба Ира громко ругается и бьет кота, потому что сама забыла закрыть дверь в комнату с компьютером»; «Они старые и у них плохое зрение, медленно ходят и если там, например, они переходят дорогу и едет машина со сломанными тормозами, то мы должны прямо броситься к ним, чтобы их не сбила машина»
12,5	«Так принято» — демонстрирует приверженность учеников формальному следованию принятым в обществе представлениям о стереотипах старости и нормах поведения с взрослым человеком	«Просто стариков надо жалеть, надо же быть элементарно вежливым?»; «Старших обижать нельзя, такое правило вежливости»; «У них такой возраст, когда им нужно только помогать, сочувствовать и жалеть»; «Они старые и могут быть даже ветеранами, которых мы просто обязаны уважать их хотя бы из вежливости, так говорит мама и по телевизору видел, как другие взрослые и даже дети говорят»
11,6	«Наш долг» — объясняет детскую позицию как осознанное, добровольное, внутренне принимаемое обя-	«Жили долго и воевали за нашу свободу»; «Пожилые ветераны, и им трудно выносить тяжести в жизни»; «Они защитили нашу страну»; «Многие из них ветераны, если бы не они нас бы не было»;

² Мы сохранили семантику и грамматику детских высказываний.

Частота выбора, %	Компоненты	Примеры детских ответов
1	2	3
	зательство помощи, защиты стареющего человека	«Они дороги нам»; «Они прожили жизнь, и может кто-то воевал, и мы должны платить добром за добро, нам надо им помочь»; «Просто мы младше их, мы так должны делать»
11,2	«Сопереживание» — демонстрирует способность ребенка понять и переживать эмоциональные состояния, которые испытывает человек старшего поколения	«Папа ругает часто бабушку, потому что она замучила его умными советами. Она потом долго плачет тихо-тихо, но я всегда слышу и тогда я плачу, очень жалко мою бабулю»; «Водители автобуса кричат на старых людей, потому что они медленные, долго залазят на ступеньки. А еще когда сильная пурга, они такие мокрые, пахнут не хорошо, им же трудно ходить в сугробе и еще потом смести снег до входа в автобус, тем более не везде могут достать свое туловище. Мне обидно смотреть, как их обзывают, а некоторые дети смеются»
8,9	«Финансовая нестабильность» — объединяет утверждения, отражающие идеи детей о значимости и важности материально-благополучия и рисках жизни в старости в случаях неблагоприятия	«Им мало платят денег, им их не хватает на прокормление»; «У них мало денег и еды. Они старше нас и беднее нас»; «Они не зарабатывают, поэтому у них всегда мало денег на лекарство»; «Их могут обмануть, отобрать квартиру или выгнать из дома. Старые бабушки часто бездомные, худые, плохо одеты, плохо пахнут»; «Старики не в бодром возрасте и не с такими большими возможностями как, например, у моего папы, у них же еще малюсенькая пенсия»
8,0	«Конечность жизни» — отражает размышления, переживания и скорее сожаления учеников по поводу скорого наступления неминуемой безвозвратности жизненного пути	«Они могут упасть и разбиться или совсем умереть»; «Вдруг ему может стать совсем плохо»; «У них почти не остается сил и им осталось чуть-чуть до смерти»; «У них может остановиться сердце и тогда все, больше жизни нет у них»; «Ну, потому что они уже старые и должны скоро умереть и еще они отучились в школе и отработали свое и уже сильно долго живут»
6,3	«Благодарность» — репрезентирует картину детского чувства признательности старшему поколению за опыт долгой жизни	«Чтобы жили дольше и радовали нас»; «Они самые взрослые, могут исправить ошибки»; «Потому что они уже не молодые, но еще могут быть добрыми»; «Всегда могут дать полезный совет»; «Они знают гораздо больше, чем мы. А еще жалеть старых людей надо из благодарности, потому что они родители наших родителей или вообще наши пра-пра-родители, то есть, если бы не они, то нас не было бы и это совсем точно»; «Пожилые люди наши предки»; «Они нас старше, много раз побеждали беду или горе, думаю, что они знают, как правильно жить»; «У них долгий возраст и много интересных рассказов про это»; «Им приятно слушать наше хорошее отношение к ним»
2,7	«Моделирование своей жизни в старости» — объединяет утверждения, отражающие детские представления о своей жизни в старости	«А если я попаду в такую ситуацию»; «Если мы будем обижать стариков, то к нам в старости будут относиться также плохо»; «Потому что нет лекарства от морщин и забывания»; «Я не боюсь быть такой старой. Я буду хорошо учиться, потом буду врачом, искать крем и уколы для стариков, чтобы они могли долго выполнять разные свои дела сами и радовались себе»; «Мы ведь тоже растем и наше тело с нами, поэтому и я, когда-то буду старенькой, не хочу, чтобы меня обижали»

Итак, результат контент-анализа описаний детского отношения «жалеть» к стареющему человеку демонстрирует его многозначность и многокомпонентность. Однако статистическая значимость ($d.f.=66; p \leq 0,05$) определяется только у компонента, отражающего описательную картину внешних проявлений низкой физической (телесной) компетентности, незащищенности и неприспособленности к жизни в старости — «физиологические утраты».

Теперь обратимся к ответам, объясняющим смысловое содержание двух значимо доминантных категорий *ожидаемого старшим поколением отношения к ним детей* с близким весом — «понимать» и «уважать». Результат контент-анализа уточняющих суждений в обозначенных категориях фиксирует их тождественность, что авторам позволило объединить их в общую категорию «понимать—уважать», которая представляет отражение отношения в целом как: потребность в признании опыта, заслуг и достоинств, поиска компромисса,

способности сопереживания и понимания эмоционального состояния поколения позднего возраста (табл. 4).

Нам представляется, что также важно продемонстрировать примеры ответов в категории отношения «почитание», отражающего ожидание старшим поколением признания потомками важности и глубокого уважения к прожитой ими жизни с точки зрения ее наследия («Хоть чуть-чуть быть моим отражением», «Сохранять в себе меня», «Продолжить мое творение фриволите», «Буду даже там, надеюсь на небе, счастлив, если сохранят мой утес, снасти и мой ритуал подледной рыбалки»).

Следующая исследовательская задача состояла в анализе степени (не)согласия респондентами старшего поколения с утверждениями, входящими в компоненты детской категории отношений «жалеть» (рис. 3).

Респонденты старшего поколения выразили свое несогласие с детским выбором с самой высокой ча-

стотой компонентов «физиологические утраты» и «так принято». Вероятно, для взрослой выборки такой вариант описания отношения интерпретируется как негативное, довольно стереотипно-традиционное отношение к старости с преобладанием картины скорее уничижительно снисходительного сострадания. Самый высокий балл согласия старшие участники отдали отношению как способности ребенка понимать состояние стареющего человека (компонентам «сопереживание») и готовности выразить ему чувство признательности («благодарность»).

Обсуждение результатов

В данной работе авторами была предпринята попытка изучить возможные варианты актуального и

Таблица 4

Представленность категории отношения «понимать—уважать» в геронтологической выборке

Частота выбора уточняющих суждений, %	Примеры ответов ³
39,3 — потребность в признании опыта, заслуг и достоинств	«Важно, чтобы мной гордились внуки»; «меня хвалили внуки и их друзья»; «получать комплемент от молодежи»
36,3 — потребность в поиске компромисса	«Отмечали для меня возможности современности, знакомство с которыми, позволило бы мне быть в ногу со временем»; «ну а если уж они сами со мной обсуждают подробности своей жизни, я счастлива, и это спасает меня от ДЕпрессии, ДЕменции и много каких ДЕ стариков, про которые столько ученые пишут и говорят»
24,4 — способность сопереживания и понимания эмоционального состояния	«Чаще интересовались моими переживаниями»; «позволять любоваться ими, верить мне, что я не враг их счастья и всей жизни»; «чтобы внучка не стеснялась меня и приглашала в свою компанию»

Рис. 3. Соотношение степени (не)согласия респондентов старшего поколения с компонентами детской категории «жалеть»

³ Семантика и грамматика высказываний респондентов сохранена.

ожидаемого отношения к стареющему человеку с позиции детей младшего школьного возраста и взрослых, достигших этапа геронтогенеза.

Наше исследование показало, что в целом респонденты детской выборки репрезентируют картину актуального отношения к старикам скорее через призму дефицита потенциального опыта взаимодействия со своими прауродителями. В качестве объяснения можно привести ряд аргументов.

Значительная часть (33,9%) бабушек и дедушек наших испытуемых не входят в диапазон пожилого и старческого возраста (в соответствии с классификацией ВОЗ), и, вероятно, вряд ли они могут в «своем молодом прауродительстве» в полном объеме транслировать образ старения и старости.

Кроме того, ранее в других наших работах [12; 36] мы фиксировали данные о том, что за последнее десятилетие во многих камчатских семьях отношения детей и прауродителей все чаще носят скорее факультативный характер, что также нашло отражение в настоящем исследовании. Так, больше половины родителей указали на недостаточность общения своего ребенка со старшим поколением и 84,5% «молодых» семей подтвердили факт существующей ситуативной поддержки прауродителями преимущественно в материальной форме. Среди доминантных факторов, уточняющих дефицит живого общения предков и потомков, респонденты отмечают объективно вынужденную потребность сохранять трудовую занятость старшим поколением пенсионного возраста, территориальную отдаленность и труднодоступность в условиях информационной изоляции. Скудность и сложность общения из-за постоянного проживания старшего поколения «на материке» за пределами камчатского полуострова сложно рассматривать как «уважительно-смягчающий» фактор [11]. Мы абсолютно солидарны с мнением О.Ю. Стрижиковой, М.Д. Петраш о том, что современный человек достаточно мобильный, часто семейные поколения разделены территориально внутри одной страны, могут находиться в разных странах и на разных континентах, но однако в эпоху высоких информационных технологий данное обстоятельство не может являться объективным ограничением общения ребенка и прауродителей [21].

Важность и значимость общения ребенка с бабушкой и дедушкой, как одного из доминантных факторов формирования образа стареющего человека, находят отражения в некоторых современных исследованиях. Так, в работе А. Фламиона др. (Flamion, et. al.) на выборке 1151 бельгийских детей и подростков в возрасте от семи до шестнадцати лет было обнаружено, что частые и дружелюбные контакты с прауродителями (чаще с бабушками) коррелируют с более благоприятными чувствами к пожилым людям [31].

Результаты другого исследования показали, что у старших дошкольников с опытом дефицита прауродительского общения образ старого человека не персонализирован, в целом представляет собранный конструкт из «чужих» или «ничьих стариков» чаще

по стереотипным признакам физиологических утрат и индифферентных эмоций [36].

Здесь нельзя не упомянуть тот факт, что в современном обществе наблюдается тенденция к использованию всех возможностей и достижений биотехнологий для поддержания состояния «антистарения», где визуальный образ человека играет определяющую роль в восприятии стареющего человека и выполняет функцию противопоставления опыта долгой жизни физическому увяданию [13; 25].

Мы также поддерживаем мнение исследователей о роли семьи, значимости типа семейного воспитания, содержания общения со значимыми взрослыми (родителями, прауродителями) для формирования у ребенка ценностного отношения к старшему поколению, а также своей будущей самооценки и психологического благополучия [16; 35]. Необходимость формирования отношения ребенка к людям пожилого возраста, как обязательной части системы «ребенок—взрослый», способной выступать первоосновой всех видов последующих отношений ребенка к действительности и быть изначальным условием самого человеческого существования и интенций развития ребенка, подчеркивается в классических работах отечественных психологов [3; 8; 27].

В настоящем исследовании потребность в признании опыта, поиске компромисса, способность к сопереживанию и понимание эмоционального состояния стариков включены респондентами старшего поколения в приоритетность описания своего ожидаемого отношения через доминантные категории «понимать—уважать». Вероятно, «научить» такому варианту отношения потомков к предкам факультативно крайне проблематично, что в принципе находит подтверждение в результатах анализа ответов детской выборки.

Актуальное отношение младших школьников к стареющему человеку представлено через многокомпонентную категорию «жалеть». В этимологическом словаре русского языка мы находим трактовку слова «жалеть» как часто употребляемого в значении «люблю, уважаю», обозначающего контекст ценности, признания, почитания, сострадания [28]. Однако мы возьмем смелость утверждать, что результаты контент-анализа описаний доминантных категорий отношений в детской выборке демонстрируют отношение к старикам скорее как картину нейтрально-снисходительного сострадания. Данный детский выбор респонденты старшего поколения не включили в диапазон согласия с ожидаемым к ним отношением.

С невысокой частотой выбора младшие школьники представили примеры своей способности понимать состояние стареющего человека, готовности выражать ему чувство признательности и уважительного отношения за опыт долгой жизни, что старшей когортой было подтверждено как согласие с ожидаемым к ним отношением. На наш взгляд, данный результат можно объяснить фактом того, что, несмотря на трансформации традиционных форм межпоколенного взаимодействия, многие российские семьи осознанно поддерживают межпоколенческую коммуникацию на основе

сохранения социокультурных традиций нескольких поколений, не утрачивая «коды» приоритета диалога культур и преемственности поколений.

Мы поддерживаем мнение некоторых исследователей о том, что старшее поколение обладает огромным потенциалом для демонстрации потомкам возможностей «овладения искусством жизни в контексте развития способности вдохновлять себя и окружающих, создавать собственный ритм и темп жизни, наслаждаться радостью живого человеческого общения и в целом выстраивать конструктивный диалог с миром» [29, с. 85].

Осознание важности и уважения различий потребностей в каждом жизненном периоде, уникальности опыта отношений поколенных групп как ценного и обязательного может являться ключом партнерского диалога поколений и основой культурной адаптации к возрасту. Кроме того, для построения устойчивых и обоюдно удобных взаимоотношений между поколениями необходимо двигаться от одинаковости к индивидуальности, а также определить принципы, на которых может быть создана всеобщая культурная адаптация к возрасту [3].

Выводы

1. Анализ анкетных данных, уточняющих точку зрения родителей о потенциальном опыте взаимодействия их детей с поколением позднего возраста, свидетельствует о тенденции к низкой степени прародительского участия в сопровождении периода детства своих внуков и в целом репрезентирует картину дефицита живого общения предков и потомков. Причинами зафиксированного факта являются территориальная отдаленность проживания старшего поколения, сохранение их трудовой занятости при нахождении в статусе пенсионера и проблемы разногласия взрослых. Ответы родителей школьников показали, что отношения их детей и их родителей все чаще носят факультативный характер, где ситуативное финансирование внуков наряду с эпизодической досуговой активностью оцениваются как норма отношений, реалия современной жизни.

2. Результат интервью в фокус-группах младших школьников позволяет представить количественно категории отношения детей к старшему поколению в последовательности «жалеть — уважать — любить — помогать — терпеть — не знаю», где только категория «жалеть» статистически доминантна. Качественный анализ выделенной категории раскрывает ее содержательную многозначность и многокомпонентность, но статистическую значимость выявляет один компонент, отражающий описательную картину внешних проявлений физической некомпетентности, незащищенности и неприспособленности к жизни стареющего человека — «физиологические утраты». В целом большая часть детской выборки демонстрируют актуальные отношения к прародителям как вариант нейтрально-снижательного сострадания и соблюдения формальных, стереотипно-правильных

норм поведения, опираясь на собирательный образ «неперсонализированного» человека на позднем этапе онтогенеза.

3. В геронтологической когорте ожидаемое отношение детей к ним репрезентируется значимой категорией «понимать—уважать», отражающей позицию крайней важности признания потомками их опыта, поиска компромиссов взаимодействия, готовности к сопереживанию и принятию эмоционального состояния человека позднего возраста. Этот результат фиксируется и в данных о согласии старших участников с детскими вариантами (с невысокой частотой выбора), демонстрирующими преемственность сохранения эталона обязательного и ценного поведения предков. В диапазон несогласия респонденты позднего возраста отнесли компоненты с самой высокой частотой детского выбора, которые, с точки зрения старшего поколения, описывают отношения к ним скорее как уничижительное сострадание.

4. Потребность и готовность стареющего человека к мобилизации и реализации огромной палитры своего жизненного потенциала для демонстрации потомкам особой важности признания уникальности и своеобразия опыта каждого поколения может выступить источником взаимодополняемости и солидарности поколений как основы культурной адаптации к возрасту.

Ограничения и перспективы исследования

Критически анализируя результаты представленной работы, было бы интересно рассмотреть их в контексте ограничений исследования.

Итак, в детско-родительской паре участвовал только один родитель и в большей части это были матери. Несмотря на то, что отдельные работы подтверждают большую схожесть детских взглядов с матерью в области межгрупповых отношений [30], мы допускаем, что отсутствие «гендерной полноты» родительской выборки может снижать потенциал обобщения анкетных данных родителей.

Другое ограничение нашего исследования связано с проблемой сложности формирования однородной выборки, включающей семьи с равными возрастными диапазонами у межпоколенных представителей и условной схожестью по экономическим и социально-культурным характеристикам.

К относительным ограничениям можно отнести специфику выборки старших испытуемых, состав которой представили постоянные участники геронтологической арт-группы. Возможно, при участии только добровольных пожилых респондентов, с сохраненной активностью и мотивацией, теряется информация о менее активном стареющем человеке; на наш взгляд, данное обстоятельство допускает риск искажения исследовательской картины.

И наконец, мы согласны со многими исследователями, которые считают, что межпоколенные отношения являются многогранным, многоаспектным явлением, затрагивающим различные системы отно-

шений человека. Исследования отдельных аспектов данного феномена также ограничивает возможность целостного рассмотрения отношений между поколениями [22].

Подводя итог всему выше сказанному, перспективой дальнейшего исследования авторы видят изучение проблемы межпоколенной солидарности, как в семейном, так и в несемейном контексте.

Литература

1. Амбарова П.А. Образовательные стратегии в структуре модели «успешного» старения [Электронный ресурс] // Материалы III международного форума «Cognitive Neuroscience—2020» (г. Екатеринбург, 11–12 декабря 2020 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 56–60. URL:<https://elar.urfu.ru/handle/10995/95455> (дата обращения:10.04.2021).
2. Барсуков В.Н., Шабунова А.А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. 2018. № 4(96). С. 87–103. DOI:10.15838/ptd.2018.4.96.6
3. Биггз С., Хаапала И. Долгая жизнь, взаимопонимание и эмпатия поколений / Пер. с англ. А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 46–58. DOI:10.14515/monitoring.2016.2.03
4. Буланова Д.Д. Роль старшего поколения в воспитании дошкольников // Научное отражение. 2017. № 4 (8). С. 9–11.
5. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; ЭКСМО, 2003. 1136 с.
6. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Малева Т.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. № 1. С. 148–179.
7. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология. М.: ИНФРА, 2004. 157 с.
8. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. М.: Директ-Медиа, 2008. 1287 с.
9. Краснова О.В. Роль бабушки: сравнительный анализ // Психология зрелости и старения. 2000. № 2. С. 89–114.
10. Краснова О.В. Эйджизм в работе с пожилыми людьми // Психология старости и старения / Сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. М.: АCADEMA, 2003. С. 354–362.
11. Кулик А.А. Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22(1). С. 139–151. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151
12. Наумова В.А. Диалог поколений: культурно-исторический подход // Материалы Первого международного симпозиума по культурно-исторической психологии «Актуальные проблемы культурно-исторической психологии» (г. Новосибирск, 17–19 ноября 2020 г.). Новосибирск: Из-во НГПУ, 2020. С. 45–57.
13. Низамова А.Н. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? [Электронный ресурс] // Журнал исследований социальной политики. 2016. Том 14. № 4. С. 569–582. URL:<https://jsps.hse.ru/issue/view/268> (дата обращения:10.04.2021).
14. Пенсионная реформа в России [Электронный ресурс]. URL:<http://pensiya.molodaja-semja.ru/reforma/>

Релевантным может быть также изучение проблемы психологической культуры и готовности пожилого человека к партнерскому диалогу с подрастающим потомком.

Другое перспективное направление — реализация программ межпоколенного сотрудничества, ориентированных на «формирующую силу» межпоколенных эффектов и/или межпоколенной трансмиссии.

References

1. Ambarova P.A. Obrazovatelnye strategii v structure modeli «uspešnogo» starenia [Education strategies in the structure of «successful» aging model]. Materialy Tretiey mezhdunarodnogo foruma «Cognitive Neuroscience – 2020» (g. Ekaterinurg, 11–12 dekabrya 2020 g.) [Proceedings of the Third International Forum «Cognitive Neuroscience – 2020»]. Yekaterinburg: Publ. Ural Univ. Press, 2021, pp. 56–60. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95455> (Accessed:10.04.2021). (In Russ.).
2. Barsukov V.N., Shabunova A.A. Trendy izmeneniya trudovoy aktivnosti starshego pokoleniya v usloviyah starenia naseleniya [Trends of changes in labor activity in elderly in conditions of population aging]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of areas development]*, 2018, no. 4(96), pp. 87–103. DOI:10.15838/ptd.2018.4.96.6 (In Russ.).
3. Biggs S., Haapala I. Dolgaya zhizn', vzaimoponimanie i empatia pokoleniy /Per. s angl. A.A. Ipatovoj [Long life, mutual understanding and generations' empathy]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of social opinions: economic and social changes]*, 2016. no. 2. pp. 46–58. DOI:10.14515/monitoring.2016.2.03 (In Russ.).
4. Bulanova D.D. Rol' starshego pokoleniya v vospitanii doshkolnikov [The role of older generation in preschoolers upbringing]. *Nauchnoe otrazhenie [Scientific reflection]*, 2017. no. 4(8), pp. 9–11. (In Russ.).
5. Vygotsky L.S. Psykhologia razvitiya cheloveka [Psychology of human development]. Moscow: Smysl, 2003. 1136 p. (In Russ.).
6. Gorlin Yu.M., Lyashok V.Yu., Maleva T.M. Povysheniye pensionnogo vozrasta: pozitivnye efekty i veroyatnye riski [Prolongation of retirement age: positive effects and possible risks]. *Ekonomicheskaya politika [Economic policy]*, 2018, no. 1, pp. 148–179. (In Russ.).
7. Yelutina M.E. Chekanova E.E. Socialnaya gerontologia [Social gerontology]. Moscow: Infra, 2004. 157 p. (In Russ.).
8. Zaporozhets A.V. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected papers]. Moscow: Direct-Media, 2008. 1287 p. (In Russ.).
9. Krasnova O.V. Rol' babushka: sravnitelnyy analiz [The role of a grandmother: a comparative study]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya [Psychology of adulthood and elderly]*, 2000, no. 2, pp. 89–114. (In Russ.).
10. Krasnova O.V. Eidjizm v rabote s pozhilyimi lud'mi [Ageism in the work with old people]. In O.V. Krasnova, A.G. Liders (eds) *Psikhologia starosti i starenia [Psychology of elderly and aging]*. Moscow: АCADEMA, 2003, pp. 354–362. (In Russ.).
11. Kulik A.A. Specifika obraza zhizni ludey, prozhivayushih v slozhnykh klimatogeograficheskikh usloviyah [Specific life of people in difficult climatic and geographic conditions] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of Kemerovo State University]*, 2020, no. 22(1), pp. 139–151. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151 (In Russ.).

(дата обращения:10.04.2021).

15. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 5–10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201
16. Постникова М.И. Межпоколенные отношения в контексте культурно-исторической концепции // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4(23). С. 125–128.
17. Смирнова Е.О., Смирнова С.Ю., Шеина Е.Г. Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 79–87. DOI: 10.17759/jmfp.2019080408
18. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308
19. Солдатова Г.У., Вишнева А.Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 97–118. DOI: 10.17759/cpp.2019270307
20. Старчикова М.В. Адаптивные стратегии лиц пожилого и старческого возраста в контексте межпоколенного взаимодействия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2(2). С. 127–130.
21. Стрижницкая О.Ю., Петраш М.Д. Несемейные межпоколенные отношения: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019а. № 9(3). С. 243–253. DOI: 10.21638/spbu16.2019.302
22. Стрижницкая О.Ю., Петраш М.Д. Методологические проблемы и подходы к эмпирическому исследованию межпоколенных отношений [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2019б. № 6. URL:<https://mir-nauki.com/PDF/108PSMN619.pdf> (дата обращения:10.04.2021).
23. Сыманюк Э.Э., Буковей Т.Д., Зеер Э.Ф. Трансвитаальность как фактор преодоления кризиса утраты профессии // Материалы III международного форума «CognitiveNeuroscience – 2020» (г. Екатеринбург, 11–12 декабря 2020 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 88–91. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95463> (дата обращения:10.04.2021).
24. Тайкова Л.В., Тайков С.М. Проблема межпоколенных отношений в современном обществе и семье // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 5(88). С. 92–95.
25. Чернышкова Е.В. Визуальный образ старости в контексте современной жизни // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 288–293.
26. Шарин В.И., Кулькова И.А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 40–50. DOI:10.24411/1561-7785-2019-00014
27. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1995. 416 с.
28. Этимологический онлайн-словарь русского языка М. Фасмера [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения:10.04.2021).
29. Яфальян А.Ф. Эстетическое самовыражение детей в условиях межпоколенческого диалога // Педагогическое образование в России. 2017. № 12. С. 80–86.
30. Flamion A., Missotten P., Jennotte L., Hody N., Adam S. Old Age-Related Stereotypes of Preschool Children. Front. Psychol. 2020. Vol. 11. P. 807. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00807
12. Naumova V.A. Dialog pokoleniy: kulturno-istoricheskiy podhod [Dialogue of generations: cultural-historical approach]. Materialy Pervogo Mezhdunarodnogo simpoziuma po kul'turno-istoricheskoy psihologii «Aktual'nye problem kul'turno-istoricheskoy psihologii» (Novosibirsk, 17–19 noyabrya 2020)[Proceedings of the First International Symposium on Cultural-Historical Psychology «Actual Problems of Cultural-historical Psychology»]. Novosibirsk: Pedagogical Univ. Press, 2020, pp. 45–57. (In Russ.).
13. Nazimova A. Aktivnoye dolgoletiyе I vneshniy vid: kak teoreticheskaya kontseptsiya reguliruyet samovospriyatiye v starchem vozraste) [Active longevity and appearance: how theoretical conception regulates self-perception in elderly?] Zhurnal issledovaniy social'noy politiki [Journal of social policy studies], 2016. Vol. 14, no. 4, pp. 569–582. Available at: <https://jps.hse.ru/issue/view/268> (Accessed 10.04.2021). (In Russ.).
14. Pensionnaya reforma v Rossii [Elektronnyj resurs] [Pension reform in Russia]. Available at: <http://pensiya.molodaja-semja.ru/reforma/> (Accessed 10.04.2021). (In Russ.).
15. Polivanova K.N. Detstvo v menyayushemsya mire [Childhood in the changing world] Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya = Contemporary foreign psychology, 2016. Vol. 5. no. 2. pp. 5–10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201 (In Russ.).
16. Postnikova M.I. Mezhpokolennye otnosheniya v kontekste kulturno-istoricheskoy kontseptsii [Relationships between generations through cultural-historical theory]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education], 2010, no. 4(23), pp. 125–128. (In Russ.).
17. Smirnova E.O., Smirnova S.Yu., Sheina E.G. Roditel'skie strategii v ispol'zovanii det'mi cifrovyyh tekhnologij [Parental strategies in the use of digital technologies by children]. Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya = Modern foreign psychology, 2019, Vol. 8, no. 4, pp. 79–87. DOI: 10.17759/jmfp.2019080408.
18. Soldatova G.U. Tsyfrovaya socializatsiya v kulturno-istoricheskoy paradigmat: izmenyayushiy rebenok v izmenyayushemsya mire [Digital socialization through cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. Social'naya psihologiya I obshchestvo = Social psychology and society, 2018, Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308 (In Russ.).
19. Soldatova G.U., Vishneva A.E. Osobennosti razvitiya kognitivnoy sfery u detej s raznoj onlajn aktivnost'yu: est' li zolotaya seredina? [Features of cognitive development in children with different online activity: is there a golden mean?]. Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy, 2019, Vol. 27, no. 3, pp. 97–118. DOI: 10.17759/cpp.2019270307
20. Starchikova M.V. Adaptivnye strategii lits pozhilogo I starcheskogo vozrasta v kontexte mezhpokolennogo vzaimodeistviya [Adaptive strategies in the late and old age through the context of generations interactions]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University], 2010, no. 2(2), pp. 127–130. (In Russ.).
21. Strizhitskaya O.Yu., Petrash M.D. Nesemeynye mezhpokolennye otnosheniya: problem i perspektivy [Family unrelated relations of generations: problems and perspectives] Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya [Journal of Saint Petersburg University, Psychology], 2019а. no. 9(3), pp. 243–253. DOI:10.21638/spbu16.2019.302 (In Russ.).
22. Strizhitskaya O.Yu., Petrash M.D. Metodologicheskiye problem I podhody k empiricheskomu issledovaniyu u mezhpokolennyh otnosheniy [Methodological problems and approaches to an experimental study of relations between

31. Flamion A., Missotten P., Marquet M., Adam S. The influence of contacts with grandparents on the views of children and adolescents on the elderly. *Child of Dev.* 2019. Vol. 90(4). P. 1155–1169. DOI:10.1111/cdev.12992
32. Hsieh H.F., Shannon S.E. Three Approaches to Qualitative Content Analysis // *Qualitative Health Research*. 2005. Vol. 15(9). P. 1277–1288. DOI:10.1177/1049732305276687
33. Levy B.R., Myers L.M. Preventive health behaviors influenced by self-assessment of aging. *Preventive medicine*. 2004. Vol. 39(3). P. 625. DOI: 10.1016/j.ypmed.2004.02.029.
34. Levy B.R. The embodiment of the stereotype: A psychosocial approach to aging. *Current trends in psychological Science*. 2009. Vol. 18(6). P. 332–336. DOI:10.1111/j.1467–8721.2009.01662.x.
35. Mendonsa J., Marquez S., Abrams D. Children's attitudes toward the elderly: Current and future directions. In: Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds) *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*. 2018. Vol. 19. P. 517–548. DOI:10.1007/978-3-319-73820-8_30
36. Naumova V.A., Glozman J.M. Representations of old age in childhood // *Lurian Journal*. 2021. Vol. 2 (1). P. 63–79. DOI:10.15826/Lurian.2021.2.1.4
37. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful aging // *The Gerontologist*. 1997. Vol. 37(4). P. 433–440. DOI:10.1093/geront/37.4.433
38. Strizhitskaya O. Aging in Russia // *The Gerontologist*. 2016. Vol. 56(5). P. 795–799. DOI:10.1093/geront/gnw007
39. Tornstam L. *Gerotranscendence. A Developmental Theory of Positive Aging*. New York: Springer, 2005. 226 p. URL: <http://repositorii.urindo.ac.id/repository2/files/original/94bf151af9fff10ee512fe9032b10e5536cb401a.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).
40. Vaclair C.M., Rodrigues R.B., Marques S., Esteves C.S., Cunha F., Gerardo F. Doddering but deareven in the eyes of young children? Age stereotyping and prejudice in childhood and adolescence // *Int. J. Psychol.* 2018. Vol. 53. P. 63–70. DOI:10.1002/ijop.12430
- generations *Mir nauki. Pedagogika I psihologiya [World of science. Pedagogics and Psychology]*, 20196, no. 6. Available at: [https:// mir-nauki.com/PDF/108PSMN619.pdf](https://mir-nauki.com/PDF/108PSMN619.pdf) (Accessed 10.04.2021). (In Russ.).
23. Symanuk E.E., Bukovey T.D., Zeer E.F. Transvitalnost' kak faktor preodoleniya krizisa utraty professii [Trans vitality as a factor for surmounting the crisis of profession loss]. *Materialy Tret'ego Mezhdunarodnogo foruma «Cognitive Neuroscience – 2020»* (g. Ekaterinurg, 11–12 dekabrya 2020 g.). [Proceedings of the III International Forum «Cognitive Neuroscience – 2020»]. Yekaterinburg: Publ. Ural Univ. Press, 2021, pp. 88–91. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95455> (Accessed:10.04.2021). (In Russ.).
24. Taikova L.V., Taikov S.M. Problema mezhpokolenny otnosheniy v sovremennom obshestve I semye [Problem of relations between generations in the contemporary society and family]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of Novgorod State University]*, 2015, no. 88. pp. 92–95. (In Russ.).
25. Chenyshkova E.V. Vizualnyy obraz starosti v kontekste sovremennoy zhizni [Visual image of elderly in modern life]. *Nauchnye problem gumanitarnykh issledovaniy [Scientific problems of humanitarian studies]*, 2011, no. 9. pp. 288–293. (In Russ.).
26. Sharin V.I., Kul'kova I.A. Vliyanie pomoshi starshego pokoleniya na rozdayemost' v Rossii [The effect of older generation help on nativity in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*, 2019, no. 2. pp. 40–50. DOI:10.24411/1561-7785-2019-00014. (In Russ.).
27. Elkonin D.B. *Psikhicheskoye razvitiye v detskih vozrastah [Child mental development in different age]*. Moscow: Institute of practical psychology press; Voronezh: Modek press. 1995, 415 p. (In Russ.).
28. Etimologicheskii onlain slovar' russkogo yazika M. Fasmera [Elektronnyj resurs] [M. Fasmer's Etymological on line dictionary of Russian]. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (Accessed 10.04.2021) (In Russ.).
29. Yafalyan A.F. Esteticheskoye samovyrazhenie detey v usloviyakh mezhpokolencheskogo dialoga [Esthetic self-expression of children in conditions of dialogue between generations]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]*, 2017, no. 12. pp. 80–86. (In Russ.).
30. Flamion A., Missotten P., Jennotte L., Hody N., Adam S. Old Age-Related Stereotypes of Preschool Children. *Front. Psychol.* 2020. Vol. 11, pp. 807. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00807
31. Flamion A., Missotten P., Marquet M., Adam, S. The influence of contacts with grandparents on the views of children and adolescents on the elderly. *Child of Dev.* 2019. Vol. 90(4), pp. 1155–1169. DOI:10.1111/cdev.12992
32. Hsieh H.F., Shannon S.E. Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qualitative Health Research*. 2005. Vol. 15(9). pp. 1277–1288. DOI:10.1177/1049732305276687
33. Levy B.R., Myers L.M. Preventive health behaviors influenced by self-assessment of aging. *Preventive medicine*, 2004. Vol. 39(3), p. 625. DOI:10.1016/j.ypmed.2004.02.029.
34. Levy B.R. The embodiment of the stereotype: A psychosocial approach to aging. *Current trends in psychological Science*, 2009. Vol. 18(6). pp. 332–336. DOI:10.1111/j.1467–8721.2009.01662.x.
35. Mendonsa J., Marquez S., Abrams D. Children's attitudes toward the elderly: Current and future directions. In Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds.), *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*, 2018. Vol. 19. pp. 517–548. DOI:10.1007/978-3-319-73820-8_30
36. Naumova V.A., Glozman J.M. Representations of old age in childhood. *Lurian Journal*, 2021. Vol. 2(1), pp. 63–79. DOI:10.15826/Lurian.2021.2.1.4

37. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful aging. *The Gerontologist*, 1997. Vol. 37(4), pp. 433–440. DOI:10.1093/geront/37.4.433.

38. Strizhitskaya O. Aging in Russia. *The Gerontologist*, 2016. Vol. 56(5), pp. 795– DOI:10.1093/geront/gnw007.

39. Tornstam L. Gerotranscendence. A Developmental Theory of Positive Aging. New York: Springer, 2005. 226 p. URL: <http://repositorii.urindo.ac.id/repository2/files/original/94bf151af9fff10ee512fe9032b10e5536cb401a.pdf> (Accessed 10.04.2021).

40. Vauclair C.M., Rodrigues R.B., Marques S., Esteves C.S., Cunha F., Gerardo F. Doddering but deareven in the eyes of young children? Age stereotyping and prejudice in childhood and adolescence. *Int. J. Psychol*, 2018. Vol. 53, pp. 63–70. DOI:10.1002/ijop.12430.

Информация об авторах

Глозман Жанна Марковна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени В.М. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7736-0819>, e-mail: glozman@ru

Наумова Валентина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии, Камчатский государственный университет имени В. Беринга (ФГБОУ ВО «КамГУ имени В. Беринга»), г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-1048>, e-mail: naumovavalentina2011@mail.ru

Information about the authors

Zhanna M. Glozman, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher at the Laboratory of Neuropsychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7736-0819>, e-mail: glozman@ru

Valentina A. Naumova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Practical Psychology, Kamchatka State University named after V. Bering, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9643-1048>, e-mail: naumovavalentina2011@mail.ru

Получена 14.05.2021

Принята в печать 01.03.2022

Received 14.05.2021

Accepted 01.03.2022